

**Муниципальное казенное учреждение
«Вырицкий библиотечный информационный комплекс»**

Вырицкая поселковая библиотека имени И.А.Ефремова

ЕФРЕМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

**ШЕСТНАДЦАТЫЕ (2013), СЕМНАДЦАТЫЕ (2014),
ВТОРЫЕ МАЛЫЕ (2014)**

сборник материалов межрегиональных научных исследовательских конференций

**Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕМА»
2014**

**ББК 80-84
УДК 8Р2**

Издание сборника статей осуществляется в рамках «Года культуры»

E92

**ЕФРЕМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ШЕСТНАДЦАТЫЕ (2013), СЕМНАДЦАТЫЕ (2014),
ВТОРЫЕ МАЛЫЕ (2014):сборник материалов межрегиональных научных
исследовательских конференций /сост. Н.П.Давыдова. – Спб.: ЛЕМА, 2014. – 145 с., ил**

**В сборник включены материалы шестнадцатых Ефремовских чтений 2013 года.
Доклады участников посвящены теме «Фантастическая реальность и реальная
фантастика: роман И.Ефремова «Лезвие бритвы»; материалы семнадцатых
Ефремовских чтений 2014 года на тему «Живая красота: произведения искусства в
романах и рассказах И.Ефремова» и материалы конференции старшеклассников
«Ефремовские малые чтения : метапредметный взгляд на мир»: тема «Энергия»**

**Сборник адресован почитателям творчества И.А.Ефремова, студентам,
преподавателям, исследователям творческого наследия писателя.**

ББК 83.3(2Рос+Рус)6

ISBN

**Коллектив авторов. 2014
Вырицкая поселковая библиотека
имени И.А.Ефремова**

Иван Ефремов и туареги

(Источники рассказа «Афанеор, дочь Ахархеллена»)

Творчество Ефремова-писателя, как и Ефремова-ученого, отмечено редко встречающейся в литературном и научном мире широтой интересов, той подлинной энциклопедичностью, которая, пожалуй, наиболее отчетливо проявилась в его рассказах. Как известно, с публикации двух их циклов в 1944 и 1945 гг. начался его путь в литературу [Ефремов 1993, 1, с. 5 («От автора»)]. Среди рассказов И.А. Ефремова «Афанеор, дочь Ахархеллена», написанный в 1958–1959 гг. [Ефремов 1993, 1, с. 464-530], стоит особняком не столько из-за отсутствия в нем какого-либо фантастического допущения¹, сколько потому, что описанные там реалии, связанные с кочующими по Сахаре туарегами и особенностями их культуры, были, на первый взгляд, далеки от его многообразного жизненного опыта. Действительно, Гоби – отнюдь не Сахара, а в Северной Африке ни сам И.А. Ефремов, ни его близкие друзья и коллеги никогда не бывали.

Авторы первой фундаментальной биографии Ефремова-мыслителя, попытавшиеся представить в ней различные стороны деятельности этой уникальной личности, справедливо подчеркнули по преимуществу книжный характер источников, которые легли в основу интересующего нас произведения: «Обложившись книгами, посвященными Северной Африке, Ефремов взялся за давно задуманный им рассказ “Афанеор, дочь Ахархеллена”» [Ерёмина, Смирнов 2013, с. 425]. К сожалению, они оставили нас в неведении, о каких именно книгах шла речь. Не считать же таковыми «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, якобы вдохновившего

¹ Сам автор счел нужным отметить, что этот рассказ «не принадлежит к научной фантастике» [Ефремов 1993, 1, с. 12]. Впрочем, к ней не относятся ни «“Катти Сарк”», ни «Последний Марсель», в которых несомненно отразились впечатления, полученные Ефремовым-моряком во время навигации на Дальнем Востоке в мае–октябре 1924 г. [см. о ней: Ерёмина, Смирнов 2013, с. 63-65].

Ефремова на сочинение этого рассказа², или стихотворение «Сахара» Николая Гумилева, в котором упоминаются туареги [Там же, с. 425-426]. Биографы верно раскрыли образы врача Эль-Иссей-Эфа и писателя Немирдана, указав, что под ними «имеются в виду Александр Васильевич Елисеев, русский врач и путешественник, посетивший в 1885 году Ливию, входившую в то время в состав Оттоманской империи, и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, старший брат известного театрального деятеля Владимира Немировича-Данченко» [Там же, с. 426, примеч. *], но даже не попробовали установить, какие произведения этих выдающих соотечественников использовал И.А. Ефремов, или выяснить, почему на доктора Елисеева он прямо сослался [Ефремов 1993, 1, с. 12 («От автора»)], а о том, кто такой Немирдан предпочел умолчать... Зато у них хватает общих слов и пространных рассуждений о национально-исторической, социокультурной и философской проблематике этого рассказа, о ярко проявившемся в нем антizападничестве Ефремова, т.е. о вещах очевидных для искушенных читателей, знакомых с его творчеством. Подобную *неконкретность*, время от времени проявляющуюся на страницах недавно увидевшей свет ефремовской биографии, следует признать

² Данная идея, несколько голословно высказанная авторами ефремовской биографии, представляется небесспорной.

главным ее недостатком³, от которой, к счастью, оказались свободны лучшие ее части⁴.

При обращении к творчеству выпускника Военно-медицинской академии Александра Васильевича Елисеева (1859–1895), за свою короткую жизнь успевшего побывать, в основном по собственной инициативе и за свой счет, на Русском Севере и в Скандинавии, в Сибири и Японии, в Греции и на Сицилии, в Малой Азии и Сирии, несколько раз в Святой Земле, в Египте и Магрибе, в Адене и Эфиопии, выясняется, что свои странствия он описал в подробных очерках, собранных воедино в выдержавшем два издания четырехтомнике «По белу свету»⁵, богато иллюстрированном художниками В.П. Овсянниковым, А.А. Писемским, Ф.П. Ризниченко, Н.С. Самокищем, Э.К. Соколовским и А.А. Чикиным, один из которых, известный баталист и анималист Николай Самокищ, с 1890 г. состоял действительным членом Императорской Академии художеств. К сожалению, после 1904 г. эти интереснейшие путевые заметки не переиздавались, и имя А.В. Елисеева оказалось незаслуженно полузабытым.

В главе XV тома III [Елисеев 1901-1904, III, с. 223-235] он поведал, как в 1885 г. в сопровождении местного оседлого бербера Ибн Салаха посетил

³ Не считать же таковыми отдельные «ляпы», встречающиеся в тексте этой работы, например, ссылку на «знаменитый “Поход десяти тысяч”, воспетый Фукидидом» [Ерёмина, Смирнов 2013, с. 557]. В не столь далеком прошлом о том, что автором *Anabasisa*, повествующего о трудном пути греческом наемников на родину из самого сердца державы Ахеменидов, был участник этого похода Ксенофонт, ученик Сократа, знал каждый человек, претендовавший на статус образованного. Конечно, затмение может найти на любого, но то, что ни редакторы, ни рецензенты не обратили внимания на эту вопиющую ошибку, свидетельствует о колossalном падении культурного уровня в нашей стране.

Да и в приведенной выше цитате есть два менее значительных ляпа. Понятие «Ливия», в латинской традиции использовавшееся для обозначения Африки в целом, было заново введено итальянцами в 1912 г. после захвата ими Киренаики и Триполитании в качестве наименования их новой колонии. Что касается А.В. Елисеева, то он путешествовал по Триполитании и Феццану, на присоединение которого к колонии Ливия потребовалось почти два десятилетия. Кроме того, в отечественной традиции Османскую империю не принято называть на западный манер Оттоманской, хотя бы потому, что при этом сильно искажается имя ее основателя Османа (Усмана).

⁴ В этой связи, в первую очередь, нужно упомянуть приложение к биографии «Иван Ефремов и Живая Этика. Текстологические параллели» [Ерёмина, Смирнов 2013, с. 645-669], в котором авторы убедительно доказали теснейшую связь мировоззрения И.А. Ефремова с перихианством.

⁵ При подготовке настоящей статьи было использовано его второе издание [Елисеев 1901-1904].

Гадамес, расположенный на границе Феццана с Тунисом и Алжиром, и в его окрестностях присутствовал на пиру, устроенном одним из вождей туарегов, Ахархелленом, только что вернувшемся из похода в горы Ахаггар [Там же, с. 230]⁶. Во время этого празднества дочь вождя по имени Афанеор поразила русского врача и путешественника пением и танцем, о которых он подробно рассказал в своих заметках⁷. Их описание, с литературной точки зрения довольно слабое⁸, привлекло внимание И.А. Ефремова, скорее всего, своей этнографической точностью, а также тем, что их исполнительница подходила в качестве прообраза героини задуманного им рассказа. Впрочем, прообраза достаточно отдаленного. Ефремовская Афанеор получила это прозвище в честь Афанеор, воспетой Эль-Иссей-Эфом, но в остальном они почти во всем различаются: благородная *иххагаренка* (*имхарка*)⁹, одетая в белоснежное короткое одеяние с красным поясом и красный плащ, и девушка совершенно иной этнической принадлежности – воспитанная среди туарегов чужеземка «из страны Тиббу»¹⁰, «наследница волшебников – гарамантов, древних эфиопов эллинских мифов» [Ефремов 1993, 1, с. 477], которая носит темно-голубое шерстяное одеяние, доходящее до щиколоток, но оставляющее открытые руки и бока. Афанеор у Ефремова оказывается темнокожей, а ее возлюбленный Тирессуэн, как и все туареги, европеоидом¹¹: тем самым, Иван Антонович в

⁶ В неточной передаче А.В. Елисеева – Ахаггар (см. таблицу в приложении).

⁷ Это повествование неплохо проиллюстрировано (см. рис. 1-3); впрочем, кому именно из перечисленных выше художников принадлежат данные рисунки выяснить не удалось.

⁸ Выражение «кокетливо одета» совершенно не подходит к туарегской девушке, так же, как и ее обозначение придуманным Елисеевым неологизмом «туареженка», вызывающим ненужную ассоциацию с «парижанкой». Не случайно, обладавший прекрасным чувством стиля И.А. Ефремов не воспользовался им, хотя в других случаях смело шел на подобные эксперименты: в частности, в своем рассказе «Юрта Ворона» он специально поднял вопрос о новых наименованиях женских специальностей в современном русском языке [Ефремов 1993, 1, с. 12 («От автора»)].

⁹ О принятых в современной отечественной науке названиях кастовых групп у туарегов см.: [Кобищанов 1994, с. 188-190].

¹⁰ Точнее, из народности тубу, или тибу, живущей к востоку от туарегов на территориях современных Нигера, Чада и Ливии. Их происхождение от древних гарамантов довольно сомнительно [Кобищанов 1994, с. 191-193].

¹¹ Как известно, антропологический тип тубу – эфиопеоидный (переходный между европеоидным и негроидным) [Кобищанов 1994, с. 191].

очередной раз смог обратиться к одной из своих излюбленных идей – о смешении рас как условии будущего развития человечества.

В описании пения и своеобразного танца Афанаор, остававшейся на одном месте, но при этом совершившей ритмические телодвижения, Ефремов довольно точно следует за Елисеевым, очевидно, желая подчеркнуть незыблемость культурных традиций у туарегов.

Интересно, что чуть позже И.А. Ефремова и, по-видимому, независимо от него к сахарским странствиям А.В. Елисеева обратился Юрий Владимирович Давыдов (1924–2002), военный моряк, в 1949 г. попавший под сталинские репрессии и после освобождения посвятивший себя литературному творчеству. В 1962 г. вышел сборник его произведений «О друзьях твоих, Африка», один из рассказов которого был озаглавлен «Доктор Елисеев»¹². Заключительной сценой в нем явилось выступление Афанаор, которое писатель изобразил безо всяких изысков, переложив елисеевский текст на современный язык и сильно сократив его.

Для удобства читателя все три описания пения и танца Афанаор¹³ сведены в таблицу, вынесенную в приложение к статье: их сравнение позволяет по достоинству оценить меру литературного дарования Ефремова.

В отличие от Эль-Иссей-Эфа Немирдан упомянут на страницах рассказа единственный раз, причем Ефремов настаивает на том, что «Афанаор позвала его на ахаль и сама пела ему» [Ефремов 1993, 1, с. 482]. Если на А.В. Елисеева, скончавшего задолго до Октября, можно было беспрепятственно ссылаться, то имя Василия Ивановича Немировича-Данченко, сторонника атамана Каледина, не принявшего власть Советов и навсегда покинувшего Россию в 1921 г., в те годы, разумеется, находилось под запретом. Упоминание его, пусть и в «замаскированном» виде, представляется дерзостью, граничившей с безрассудством. И здесь в очередной раз возникает проблема эзотерической составляющей в творчестве И.А. Ефремова. Одним из первых ее поставил

¹² При подготовке настоящей статьи использовано одно из переизданий этого рассказа [Давыдов 1996, 3, с. 298-356].

¹³ Не следует забывать, что у Ефремова речь все же идет о другой Афанаор, прозванной так в честь своей знаменитой предшественницы.

известный исследователь ефремовского наследия Евгений Александрович Беляков, впервые отождествивший «Молитву о пуле», которую, согласно воспоминаниям Фай Родис, героини «Часа Быка», прочла вслух Веда Конг, знаковый персонаж «Туманности Андromеды» [Ефремов 1993, 5, с. 170], со стихотворением неизвестного русского офицера, написанным по горячим следам революционного беспредела в апреле 1917 г.¹⁴ Называть после этого Ефремова коммунистом, можно, лишь имея в виду платоновский, но никак не советский коммунизм. Под влиянием подобных неожиданных открытий на интернет-форумах был поставлен полемически заостренный вопрос о том, сыном какого полка был Ваня Ефремов, красного или белого...¹⁵

Затем вообще потребовалось И.А. Ефремову тревожить прах Василия Ивановича Немировича-Данченко? Скорее всего, с творчеством этого талантливого журналиста и писателя, объездившего полмира, Иван познакомился в детские или отроческие годы и пронес восхищение им через всю жизнь. Похоже, он почувствовал в нем родственную душу, ведь с доктором Елисеевым Ефремов по своему мироощущению отчасти был антагонистом. Танец Афанаор Александр Васильевич воспринял как весьма целомудренный и отозвал о нем сочувственно, но при этом проникнутые эротикой восточные танцы, в том числе пресловутый танец живота, вызывали у него нескрываемое отвращение. Вот как описывает он пляску девушек из Кайруана (Кейруна), первого города, основанного мусульманами в Среднем Магрибе, крупнейшего в регионе религиозного центра: «Разряженные танцовщицы по одиночке выходили на середину зала и начинали свою бешеную пляску... Я отказываюсь описывать ее во всех подробностях, потому что она недостойна описания... Знаменитый танец живота, проникший, к стыду цивилизации, в самую Европу, составляет часть этой сладострастной пляски, которую могли изобрести лишь оргии древних, совершившиеся в таинственном мраке пещерных храмов

¹⁴ См., например: *Беляков Е.А.* Мои примечания к роману «Час Быка» Ивана Ефремова (<http://wap.zemlyane.unoforum.ru/?1-19-0-00000000-000-0-0-1312628275>; обращение к сайту 16.10.2014 г. в 11.30).

¹⁵ См., например: Великое кольцо Ефремова / Сост. Г.С. Горчаков // Знамя мира, № 4, 1998 (www.znamyamaytreyi.ru/download/book/gor-kolco.docx; обращение к сайту 16.10.2014 г. в 11.45).

Астарты, Цибелы и других отвратительных богинь отдаленной древности...» [Елисеев 1901-1904, III, с. 120-121]. Как далеко это ханжество от взглядов Ефремова, сделавшего Эрис, жрицу Матери богов, выступавшей в обличиях и Астарты, и Кибелы, одной из главных персонажей своего последнего романа «Таис Афинская», подругой главной героини [Ефремов 1993, 6, с. 246-250 и сл.].

Туарег Тирессуэн, попавший на балет в Кировский (ныне – Мариинский) театр, вспоминал, как прежде «видел в Бу-Сааде знаменитых танцовщиц племени улед-наиль с гор Любви – девушек, о которых по всей Африке говорят, что у них глаза как огненные мухи, ноги газелей, а животы подвижнее и быстрее, чем язык хамелеона» [Ефремов 1993, 1, с. 524]. Красавицу-рабыню из племени улед-наиль¹⁶ упомянул в своих путевых заметках о странствиях по Марокко Василий Немирович-Данченко [Немирович-Данченко Вас. 1912, с. 294]¹⁷. Эту страну наряду с Алжиром он впервые посетил в 1882 г. [Быков 1916, с. XXIII]. В более ранней редакции своих марокканских записок, озаглавленной «Под африканским небом», Василий Иванович привел необычайно яркое описание откровенной пляски «негритянок племени Саад-бу»¹⁸, позволяющее наглядно представить себе, о чем грезил Тирессуэн. Вот ее кульминация: «Черная роза уже не отталкивает никого. Она, схватив руками свою грудь, точно боясь, что разорвется она, и, откидываясь головой в сторону и назад, завертелась на месте... Наконец, силы не стало, она сорвала прикрепленный пряжкою конец белого куска материи, обертывавшего ее, и швырнула его соседке, та подхватила. Также вертясь, вздыхая и замирая, плясунья таким образом начала освобождаться от этого покрова, то

¹⁶ Точнее, *аудад* (*علاد*) *на'ил* (*نائل*) .

¹⁷ См. рис. 4.

¹⁸ Здесь Василий Иванович-Данченко допустил некоторую неточность: племени *саад-бу* не существует, но есть топоним Бу Са'ада (*بوعسادة*), обозначающий город на севере Алжира, находящийся в центре района традиционного расселения арабского (вернее, арабизированного берберского) племени *улад на'ил*, женщины которого славились как плясуньи и куртизанки. Характерно, что Ефремов эту ошибку исправил.

Разумеется, местные рабыни-негритянки не могли принадлежать к данному племени, представительницы которого, судя, хотя бы, по рис. 4, относились к белой расе, но, по всей видимости, находились под влиянием хореографической культуры *улад на'ил*.

останавливаясь, то словно с внезапно нахлынувшем на нее решительностью продолжая кружиться... Когда конец всей материей был таким образом развернут – плясунья оказалась в одном поясе из шали, концы которого, довольно широкие, висели спереди и сзади. Движения ее стали быстры и стремительны. Она то бросалась вперед, выгибаясь станом навстречу нам, то, полуобернувшись лицом назад, отступала и вдруг, точно поддавшись неодолимому порыву, сорвала прочь свой пояс и бросила его в сторону. Теперь уже она была безо всего. Мне чудилось, что в эти минуты она не танцует, не делает заученного движения, а вся охвачена каким-то бешенством. Плясавшая уже обратилась в нечто нечеловеческое. Глаза не могли уследить за ее движениями, до того они были быстры и неожиданны. Она носилась с одного конца патио в другой и, наконец, посреди самого безумного пароксизма упала навзничь на ковер, протягивая вверх дрожащие руки... Ноги ее вздрагивали тоже, грудь перекатывалась волною...» [Немирович-Данченко Вас. 1896, с. 153-154]. Какая ефремовская сцена! Как, должно быть, хотелось Ивану Антоновичу включить ее в свой рассказ!¹⁹ Но, по-видимому, он рассудил, что в конце пятидесятых годов время для этого еще не пришло...²⁰

А вот встреча Немирдана с Афанаор, скорее всего, является вымыслом И.А. Ефремова²¹. Упоминания о туарегах изредка встречаются в путевых очерках Василия Ивановича [Немирович-Данченко Вас. 1912, с. 210;

¹⁹ Познакомиться с описанием этого проникнутого изысканным эротизмом танца Иван Ефремов мог только по первому варианту данных заметок. Из более поздней их редакции, выдержанной два издания под несколько измененным заглавием «Под небом Африки», оно было выброшено [Немирович-Данченко Вас. 1901 (1902), с. 157-172; Немирович-Данченко Вас. 1910, с. 156-170], поскольку оба эти издания предназначались, в первую очередь, для детей.

²⁰ К концу шестидесятых – началу семидесятых годов он переменил свое мнение: такого рода эпизоды можно без труда отыскать в «Таис Афинской». Достаточно вспомнить танец обнаженной девушки с ядовитым змеем, восходящий, как известно, к реальному обряду [Ефремов 1993, 6, с. 390-391].

²¹ По крайне мере, среди многих десятков публикаций Василия Ивановича Немировича-Данченко, хранящихся в фондах Библиотеки РАН, в том числе двух собраний его сочинений [Немирович-Данченко Вас. 1910-1915; Немирович-Данченко Вас. 1916], обнаружить такого рода сведения не удалось. Впрочем, нужно иметь в виду, что изданные им в эмиграции произведения, отсутствующие в отечественных библиотеках, остались недоступными.

Немирович-Данченко Вас. 1910-1915, X, с. 120]²², однако добрался ли он до их кочевий, остается неясным... Во всяком случае в Гадамесе он вряд ли побывал²³.

К древней истории туарегов отсылает упоминание их легендарной прародительницы – «мудрой царицы Тин-Хинан, могила которой в уэде Абалесс и сейчас, полторы тысячи лет после ее смерти, священная для всех племен» [Ефремов 1993, 1, с. 479]. Открытие ее предполагаемой гробницы с неразграбленным богатым женским захоронением в ноябре 1925 г. франко-американской экспедицией, работавшей на юге Алжира, в горах Ахаггар, под руководством Мориса Рейгасса (Maurice Reygasse; 1881–1965), Байрона Кана (Berton Khun), известного как граф де Пророк (Comte de Prokok; 1896–1954), и Алонзо Понда (1894–1986), стало событием мирового масштаба в североафриканской археологии. К сожалению, из какой именно статьи, книги серии статей или книг И.А. Ефремов почерпнул сведения о нем, выяснить не удалось²⁴. Характер окрашенной мистицизмом сенсации оно приобрело из-за того, что именно в этих краях разворачивалось действие вышедшего в свет в 1919 г. романа «Атлантида» французского писателя Пьера Бенуа (1886–1962), а аналогия между его главной героиней Антинеей (Antinéa) и Тин-Хинан напрашивалась сама собой. Русский перевод этого вполне хаггардовского по духу произведения был опубликован в 1927 г. [Бенуа П. 1927] и, скорее всего, не прошел мимо внимания Ефремова²⁵.

²² Во втором случае речь об очерке «Дверь в Сахару», где рассказано о недавно оккупированном итальянцами Триполи.

²³ В 1912 г., когда Василий Немирович-Данченко посетил порт Триполи (см. выше примеч. 22), поездка вглубь страны была невозможной из-за резко выраженных антиитальянских (а, значит, антиевропейских) настроений местного населения.

²⁴ Пока наиболее раннее упоминание на русском языке о раскопках гробницы Тин-Хинан, причем неточно датированных 1927 г., удалось обнаружить в работе ленинградского африканиста, вышедшей в свет уже после кончины Ефремова [Поплинский 1978, с. 141-147; цит. в: Рошин 1994, с. 203-207].

В этой связи необходимо подчеркнуть, что публикация каталога личной библиотеки И.А. Ефремова стала бы существенным подспорьем для всех исследователей его творчества.

²⁵ Роман этот приобрел всемирную известность и многократно переиздавался как языке оригинала, так и в переводах. Автор этих строк приобрел его на французском [Benoit P. s. a.] в середине восьмидесятых годов в Ленинграде, в магазине «Книги капиталистических стран», находившемся на Литейном проспекте.

Несмотря на то, что Ивана Антоновича Ефремов в своих художественных произведениях стремился к подлинно научной точности, это удавалось ему не всегда, особенно если речь шла о реалиях, далеких от сферы его профессиональных интересов, скажем, о строе не известных ему языков. В письме из Абрамцево от 17 ноября 1959 г. своему близкому другу Владимиру Ивановичу Дмитревскому (1916–1985), журналисту-международнику и писателю, пострадавшему от сталинских репрессий²⁶, Ефремов высказался весьма категорично по поводу особенностей туарегской фонетики: «Те исправления, которые захотели сделать Ваши редакторы и консультанты – все неверны, за исключением второго варианта названия ихаггаренов²⁷. Секрет очень прост и удивляюсь, как сим мудрецам не пришло это в голову. На туарегском языке и вообще на всех близких к тамашеку берберских наречиях звук «р» чрезвычайно отчетлив и произносится даже с некоторым нажимом. При переходе к арабскому произношении²⁸ «р» приобретает горловое звучание, по некоторым фонетическим системам /неверным!/ передаваемым /транскрибуемым/ по-русски, как «г». Вот и получается, что «имрады» звучат, как «имгады» и так далее. Я же пишу о берberах и еще точнее – о туарегах, поэтому никакого другого произношения, кроме туарегского быть не должно и принятая мною транскрипция не случайна и не от невежества» [Ефремов 2008, с. 203].

На самом деле арабский и берберский (включающий в себя туарегский) – родственные, хотя и не близкородственные, языки: оба они относятся к афразийской семье (по новейшим представлениям – макросемье), к ее семитской и ливийской группам (семьям) соответственно. В обоих есть как звук «р» (*r*), так и звонкий увулярный (глубоко-заднеязычный) звук, в арабской графике передаваемый буквой *гайн* (خ). В облегченной арабской транскрипции его обычно записывают как *z*, *g*, *gh* (в строгой – как *z* с точкой снизу и *g* с

²⁶ В биографии Ефремова ему посвящен специальный раздел [Ерёмина, Смирнов 2013, с. 412-419].

²⁷ Очевидно, имеются в виду *имхары* (см. выше примеч. 9) – С. Ф.

²⁸ Так! Явная опечатка, только ефремовская или издателя его переписки, остается неясным. Без сомнения, следует читать «произношение» – С. Ф.

точкой сверху), а в берберской – еще и как γ [Basset 1952, p. 5, 6]. Он очень похож (но, конечно, не идентичен) гросящему *r*, столь типичному для французского языка (но никак не русскому *p*), поэтому в берберологии, где преобладали французы, причем зачастую практики, далекие от лингвистических тонкостей, его нередко передавали через *r* или *rh*. Таким образом, и *имгады*, и *имрады* в равной степени неточно соответствуют оригинальному туарегскому (и арабскому!) произношению данного термина, но с точки зрения русской облегченной научной транскрипции вариант *имгады* является единственно верным.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Таблица. ОПИСАНИЕ ТАНЦА И ПЕНИЯ АФАНЕОР

<p>[Ефремов 1993, 1, с. 471-472]</p> <p>«Произошла заминка – женщины кончили выступления, а мужчины еще не воодушевились на свои воинственные танцы. Там, в тени выступа обрушенной стены, где сидели женщины, поспыхала возня. На запытую луной плошадку была выполкнута среднего роста девушки в одежде, не похожей ни на длинное темное одеяние благородной ихатаренки, ни на светлое покрывало имрадки, оставляющее открытими плечи, ни на тонкую дешевую хламиду рабьни-харатинки.</p> <p>Грубое перстяное одеяние, по-видимому темно-голубого цвета, подхваченное на бедрах узкой перевязью, спадало широкими складками до щиколоток. Выше перевязи одежда разделялась на две широкие полосы, закрывающие грудь и спину и соединенные на плечах большими серебряными кольцами-застежками. Руки и бока девушки оставались открытыми, маленькие, белые от пыли ноги были босы. Густейшие черные волосы, схваченные по темени шелковой головной повязкой, низко спускались на широкий лоб. Узкие, широко разделенные, пророчеченные прямыми линиями брови, длинные, тоже узковатые глаза, прямой красивый нос, в котором не было ничего от сухости чега гуарегов, небольшой рот, добрая округлость лица – да, девушка казалась чужеземской. «Не арабка, не кабилка...» – заинтересованно думал Тирессун, разглядывая ее изпод покрывала. Девушка повернулась, отвечая кому-то позади себя, и подняла правую руку жестом шутливой мольбы, блеснув в лунном свете гладкой, как полированый металла, кожей, показавшейся</p>	<p>[Елисеев 1901-1904, III, с. 230-233]</p> <p>«Раз я попал даже на оригинальное пиршество, которое давал славный Ахархелен, один из вождей гуарегов, только что воротившийся из похода в горы Ахагапар. Здесь, кроме мужчин, было много и женщин. Дочери пустыни были одеты в длинные голубые одеяния, украшенные ожерельями и кольцами. Многие из них имели лица, окрашенные желтую охрой, и тонкие черты лица... Среди гуареженок особенной красотою выделялась дочь Ахархелена, красавица Афанеор, которая при своей красоте была так кокетливо одета в белоснежное короткое одеяние с красным поясом, вполне вырисовывавшее ее стройный стан, и красный плащ, красиво драпировавший ее голову и плечи, что ею нельзя было не заплаковатьсь... Эта красивая девушка была истою дочерью пустыни: она переносила все лишения не хуже гуарега-воина, прекрасно владела луком, копьем и небольшим кинжалчиком, которые она носила на левом предплечье. Так как у гуарегов женщина не взаперти, а девушка пользуется даже полной свободою, то я не удивлялся, что за хоропшенькою Афанеор ухаживало множество молодежи.</p> <p>...</p> <p>... Девушки образовали хоровод, молодые мужчины тоже свой круг, двинувшийся в противоположном направлении, но вокруг одного и того же центра, в котором оказалась Афанеор. Перед глазами зрителей закружились оба круга, замелькали темно-голубые фигуры при слабом отблеске костров, сложенных из сухой травы, верблنجьего навоза и сучьев торфа, а в центре всей вертящейся толпы неподвижная, как статуя, закутанная с ног до головы красным плащем, стояла дочь Ахархелена... Сам вождь, сидя недалеко от меня, сдвинув немного более покрывало с</p>	<p>[Давыдов 1996, 3, с. 356]</p> <p>«Ахархелен глянул на небо и подал знак. И в два круга пошел хоровод: юноши – слева направо, девушки – справа налево. В ночной синеве, подвешенной пламенем костров, медленно и плавно кружил голубой обруч. А посреди него, центром его была недвижная девичья фигура в белом платье и красной накидке. Но вот звезды покухли, ночь поблекла: взошла луна – полная, ясная, сменяющаяся. И тогда разомкнулся, рассыпался голубой обруч, словно бы порвалась нить жемчуга. И осталась Афанеор – изваяние в белом и красном. Доно вождя</p>
--	--	--

Тирессуэну очень темной. Линии ее рук, очертания тела, сквозившие в разрезах одежды, были чеканны, как у французских бронзовых статуэток, виденных им в Таманрасете, и так красивы, что и Тирессуэн захвагтило дух. Он выпрямился. Дробно и неровно запели струны, казалось ведомые смятенной рукой. Голос девушки, сильный и глубокий, заставил вздрогнуть туарега, потянул, повлек за собой. Песня – полная противоположности только что слышанного! Скачущая, мятущаяся, почти неудовимая мелодия, звенящие болью и тоской вскрики, угрюмо зовущие страстные и низкие переливы, тревожные заминания... Гулкий и зловещий грохот неведомо откуда взявшегося большого барабана, тупые и отрывистые удары маленьких. От этого странно замирает сердце, нарастает дикое желание вскочить, рвануться куда-то!

А волнебство звучного голоса все сильнее томило и волновало Тирессуэн. Песня металась, как преследуемый беглец в поисках выхода. Торжество, призыва, дикая радость сменялись яростными и тревожными вскриками, стихавшими в мелодии тихой беспомощностью, и опять нарастило яростное сопротивление в резкой смене высоких и низких нот. В такт этой бурной, матежной и страшной песни девушка, не сдвинувшись с места, отвечала быстрым спадам и переходам мелодии такими же движениями рук, раскачиваниями и изгибами тела.

«Что это! – думал Тирессуэн. – Куда мчится эта песня юной жизни? Что хочет она, кого зовет с собой? Или, как вырвавшаяся в пустыню арабская лошадь, она несется, не разбирая куда и зачем, наслаждаясь своей силой и быстротой скакачки?»

Ощемленные незнакомой песней, мужчины не успели опомниться, как певица исчезла в тени...»

носа и со лба, поглядывая то на меня, то на веселявшуюся молодежь...

Тихо, плавно, но не особенно грациозно кружились молодые туареги, их пляска была не то, что страстно порывистая и горой бешеная пляска арабов... Но вот круг разорвался и все вертевшиеся расселись по середине круга, болтая между собой...

...

Вслед затем празднество продолжалось с прежним оживлением. Темно-тотубое небо пустыни, доселе ярко блеставшее тысячами звезд, стало бледнее и яснее, светила ночи как бы потухли и потонули в море беловато-синего света, залившего и небо, и пустыню, и трепетавшую атмосферу. Над лагерем веселившихся туарегов всплыла красавица ночи – луна.

– Афанаэр, Афанаэр! – закричала кружившаяся молодежь и бросилась к дочери Ахархелена, имя которой в буквальном переводе означало «полная луна». Когда расступился круг молодежи, я увидел красавицу Сахары, стоявшую посередине веселившихся юношей и девиц, всю залитую лунным сиянием. Еще ярче и светлее казалась белая туника, огливавшая как серебро, оттененная ярким красным небрежно наложенным на плечи плащем, блестящие монеты и монисты на шее и браслеты на обнаженных смуглых руках. Вся изящная истройная фигура молодой туареженки, казалось, трепетала и хотела было унести в бешеную порывистую пляску, а черные глазки ее так и сыпали искорки, зажигавшие сердца юношей, окружавших Афанаэр. Обращая к луне свои распростертые руки, красавица пустыни запела вполголоса какую-то хвалебную песнь или гимн, обращенный к светилу ночи...

...

Вслед за молодой певицей подхватил ее хвалебную песнь целый хор молодежи, и гимн в честь ночи и ее светила огласил безмолвие пустыни...»

запрокинула голову, выбросила вперед руки, будто вплыв пускаясь и запела гимн во славу Луны. Она пела вполголоса, но было так тихо, что гимн ее, казалось, звучал на всю пустыню, и слушали его небо, дюны, люди, все сущее в великой Сахаре.

Сперва несколько голосов, молодых, свежих, забили, как родники, вокруг голоса Афанаэр, потом еще и еще, и вот уже все туареги, стар и млад, славили полную, беззвучно смеющуюся Луну, покровительницу ночи.

И только черные рабы стояли в стороне от пирующих, немые и чуждые и этой ночи, и этому пиршеству, и этому согласному пению...»

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

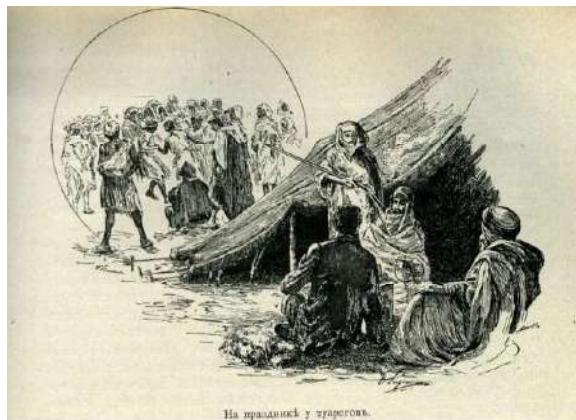

Рис. 1. На празднике у туарегов
[Елисеев 1901-1904, III, с. 233].

Рис. 2. Девушка из гадамесских туарегов
[Елисеев 1901-1904, III, с. 231].

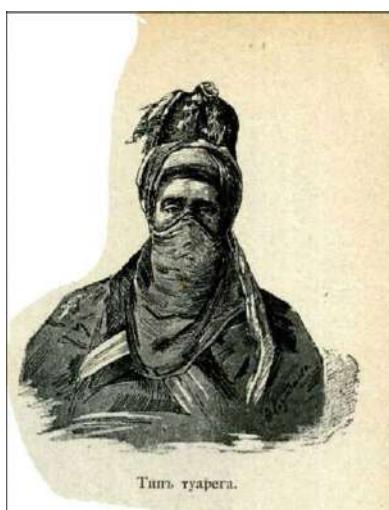

Рис. 3. Мужчина из гадамесских туарегов
[Немирович-Данченко Вас. 1912, с. 294].

Рис. 4. Девушка из племени улед наиль (улад на'ил)
[Елисеев 1901-1904, III, с. 235].

Библиография

Бенуа П. 1927 – Бенуа П. Атлантида / Пер. А. Горлина. Предисл. А. Левинсона. Л.: Библиотека всемирной литературы, 1927.

Быков 1916 – Быков П. Вас. Ив. Немирович-Данченко. Биографический очерк // Немирович-Данченко Вас. 1916, кн. 1-я, с. III-XLVI.

Давыдов 1996, 3 – Давыдов Ю.В. Сочинения в 3-х томах. Т. 3: Смуглая Бетси, или Приключения русского волонтера. На шхуне. Рассказы. М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1996.

Елисеев 1901-1904 – Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины путешествий по трем частям Старого Света. В 4-х томах. Изд-е 2-е. Т. I-IV. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1901, 1904, 1902, 1903.

Ерёмина, Смирнов 2013 – Ерёмина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М.: «Молодая гвардия», 2013 (Серия биографий «Жизнь замечательных людей». Вып. 1640 (1440)).

Ефремов 1993, 1 – Ефремов И. Собрание сочинений в 6-и тт. Т. 1: Рассказы. М.: «Современный писатель», 1993.

Ефремов 1993, 5 – Ефремов И. Собрание сочинений в 6-и тт. Т. 5: Час Быка. Научно-фантастический роман. М.: «Современный писатель», 1993.

Ефремов 1993, 6 – Ефремов И. Собрание сочинений в 6-и тт. Т. 6: Таис Афинская. Исторический роман. М.: «Современный писатель», 1993.

Ефремов 2008 – Ефремов И.А. Голоса пространства. [Переписка с В.И. Дмитревским] / Публикация Л.Г. Михайловой // Сверхновая. Fantasy & Science Fiction, № 41-42, 2008, с. 196-211.

Кобицанов 1994 – Кобицанов Ю.М. Туареги и тубу // Рошин 1994, с. 185-193.

Немирович-Данченко Вас. 1896 – Немирович-Данченко Вас. И. Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания (Путевые встречи и впечатления в садах Гесперид). СПб.: Н.Ф. Мерц, 1896 (Библиотека Севера. Май. 1896).

Немирович-Данченко Вас. 1901 (1902) – Немирович-Данченко Вас. И. Под небом Африки. Путевые впечатления в садах Гесперид. М.: редакции журналов «Детское чтение» и «Педагогический вестник», 1901 (1902).

Немирович-Данченко Вас. 1910 – Немирович-Данченко Вас. И. То же. 2-е изд-е. М.: редакция журнала «Юная Россия», 1910.

Немирович-Данченко Вас. 1912 – Немирович-Данченко Вас. И. Край Золотого Заката (Очерки таинственного Магриба). СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912.

Немирович-Данченко Вас. 1910-1915 – Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. Т. I–XVI. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1910-1915.

Немирович-Данченко Вас. 1916 – Немирович-Данченко Вас. И. Новое собрание сочинений. Кн. 1-я – 50-я. Пг.: Издание П.П. Сойкина, [1916].

Поплинский 1978 – Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1978.

Рошин 1994 – Гарамантида (африканская Атлантида) / Сост. сб. М.Ю. Рошин. Пер. с араб. А. Коровикова и М.Ю. Рошина. Пер. с англ. М.Ю. Рошина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994 (Серия «По следам исчезнувших культур Востока»).

Basset 1952 – Basset A. La langue berbère. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1952 (Handbook of African Languages, pt I).

Benoit P. s. a. – Benoit P. L’Atlantide. Paris: Éditions Albin Michel, s. a. (Le livre de poche, 151).

Цинкобурова М.Г.